УДК 323

DOI 10.17506/articles.mobility.2019.139155

Фан Ирина Борисовна,

доктор политических наук, доцент,
Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург,

E-mail: irina-fan@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1816-9245

**«Мягкая» репрезентация «жесткой» силы:
«настоящий мужчина» в символической политике России**

Статья посвящена исследованию проблемы выявления функции мифа о «настоящем мужчине» в российской политике. Автор использовала методологию и методы теории символической политики, подход, рассматривающий символическую политику в качестве дискурсивной практики или «мягкой силы» (soft power), философию власти как «мягкой силы», осуществляющей производство субъекта и гендерной идентичности (Дж. Батлер), методологию гендерных исследований (Р. Коннелл), а также трактовку символической политики как инсценирования и элемента властных коммуникаций. В статье раскрыты различные аспекты и эффекты влияния символической политики, воплощенные в официальном дискурсе, государственной пропаганде, массовой культуре. Представлены черты инвариантной модели настоящей маскулинности. Обращено внимание на то, что данная модель, хотя и опирается на стереотипы общественного сознания, но не соответствует тенденциям политической и социальной модернизации. Выделены этапы трансформации модели «настоящего мужчины» в рамках постсоветской символической политики. Раскрыты противоречия модели гегемонной маскулинности. Сделаны выводы о том, что инсценирование мифа о настоящем мужчине в рамках символической политики российской власти направлено на воспроизводство официального властного дискурса и легитимацию существующего политического порядка и насилия; оно осуществляет функцию навязывания массам позитивной интерпретации монологичной коммуникации власти с обществом, утверждения монополии гегемонной маскулинности, консервации наличного гендерного порядка и дискриминации женщин.

Ключевые слова:

маскулинность, символическая политика, «мягкая сила» (soft power), дискурс власти, гендер, гендерный порядок.

В разных видах и жанрах массовой культуры встречаются различные модели маскулинности (мужественности). Однако на российском телевидении (особенно, на канале НТВ), главным проводнике государственной символической политики, доминирует образ мужчины, основным качеством которого является физическая сила. Героями многочисленных телесериалов являются солдаты и офицеры российской армии, морские пехотинцы, разведчики, полицейские, спасатели, курсанты и т. п. В образе этих героев множество привлекательных («утешающих») качеств, однако не меньше качеств «угрожающих». Вырисовывается неоднозначность и амбивалентность образа и модели «настоящего мужчины», репрезентируемого массовой культурой. Проблеме выявления функции данного образа в публичной политике и посвящена наша статья.

Стереотипы, которыми по преимуществу руководствуется массовый россиянин, продуцируются и транслируются посредством символической политики. Последняя действенна, поскольку способствует признанию массой политического порядка посредством идентификации людей с навязываемыми им ролями. Один из классиков в исследовании символической политики М. Эдельман уделяет внимание роли мифов, ритуалов и других символических форм в публичной политике. Политика имеет разное значение для активного меньшинства и пассивного большинства. Разграничение между политикой как спортом для зрителей и политической деятельностью организованных групп является основой для распознавания символических форм в политическом процессе. Большинство людей способно лишь реагировать на продуцируемые политической системой символы, для них политика – «это парад абстракций или совокупность «символических актов» [Эдельман, 2014, с. 191].

Под символической политикой мы, вслед за О.Ю. Малиновой, будем понимать «деятельность, связанную с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова, 2015, с. 18]. В отличие от идеологии, символическая политика складывается как совокупность символических действий и мер элиты, направленных на предотвращение претензий каких-либо

иных акторов на политическое участие, на контроль над поведением населения. Практику обеспечения безопасности элиты силовыми ресурсами она дополняет специфическими средствами. Государственная политика в сфере культуры, образования и информации направлена на монополизацию официального взгляда на историю и культуру России, на дискредитацию иных теоретических и идеологических представлений. Такая символическая политика не сводится к манипуляции общественным мнением и конструированию «мифов», но учитывает вопросы восприятия различных идей и конструктов массовым сознанием. Она тесно связана с попыткой создания государственной идеологии, интерпретирующей политическую реальность в интересах властвующей элиты. Набор инструментов символической политики весьма специфичен.

Символическую политику О. Ф. Русакова рассматривает как дискурсивную практику, то есть «мягкую силу» (soft power) смыслообразования и когнитивного принуждения к определенному видению реальности [Русакова, 2010, с. 188]. Главными ресурсами когнитивного принуждения обладают органы государственной власти, управляющие информационными службами, многими СМИ, системами GR, образовательными учреждениями. Государственная символическая политика, как форма soft power, использует этот важнейший коммуникативный ресурс для систематического производства и поддержания символов власти. «Дискурсивное управление символическим пространством политики – вот суть многообразных политик и практик soft power. Дискурс soft power позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания – общественные представления, предпочтения, увлечения, развлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы» [Русакова, 2010, с. 189]. Арсеналом инструментов «мягкой» силы являются не средства прямого насилия, но когнитивные соблазны, заманчивые идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы. Она работает на знаково-символическом и идейно-ценностном уровне, используя стереотипы общественного восприятия, архетипичные образы и традиционные коллективные представления, консервативные установки массового сознания. Привлекательные инструменты влияния применяются в целях скрытого переформатирования ментальных структур субъекта в нужном для носителя «мягкой» власти направлении.

Характер символической политики как одного из главных инструментов власти анализируется и в философии власти Джудит Батлер. Власть она рассматривает как интерсубъективную силу, представляющую форму коллективного бессознательного, свойственного внутреннему миру самого субъекта и определяющего его идентичность. «Власть внедряет себя в нас и, ослабленные ее силой, мы интернализуем или принимаем ее термины... Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее» [Батлер, 2002, с. 15–16]. По мнению Батлер, власть выступает в качестве «мягкой силы», дискурсивным способом осуществляющей производство субъекта, а также интерсубъективного инструмента его подчинения и самоидентификации. В философии Батлер добровольная субординация – это главный момент становления субъекта. Внутреннее принятие власти и формирование субъекта (субъекция) – взаимосвязанные амбивалентные явления [Батлер, 2002, с. 22–23]. Субъект оказывается вынужденным искать признания своего существования и идентичности в социальных категориях, терминах и именах, созданных дискурсом власти. Дискурс власти выступает в качестве «мягкой силы», являющейся одновременно инструментом производства гендерной идентичности. Гендер есть дискурсивный конструкт, сформированный в системе властных отношений, связанных с распределением социальных ролей и статусов между мужчинами и женщинами. Репрезентируется гендер через систему нормативных предписаний по отношению к внешности, поведению и представлению людьми половой идентичности. Такая «перформация гендера» создает эффект естественного, вечного и неизменного существования феминности или маскулинности, консервирует ситуацию исторического доминирования мужчин. Именно в процессе осуществления дискурсивных практик власти конструируются гендерные различия и неравенство. Внедрение в массовое сознание конструкта гендерной асимметрии легитимирует дискриминацию женщин.

По мнению Р. Коннелла, на уровне общества существует иерархия между моделями маскулинности и феминности. Во множество социальных взаимодействий включены этнические, поколенческие и классовые различия. Однако организация гендера служит стержнем любых отношений. Взаимодействие между формами феминности и маскулинности разворачивает-

ся вокруг фундаментального структурного факта – глобального доминирования мужчин над женщинами. Это основание и для отношений между мужчинами, в среде которых выявляется гегемонная форма маскулинности в обществе. «Гегемонная маскулинность всегда конструируется по отношению к разнообразным подчиненным маскулинностям, а также по отношению к женщинам» [Коннелл, 2015, с. 249]. Путем соподчинения разных форм маскулинности складывается режим действия патриархатного социального порядка. Гегемонная маскулинность означает социальное доминирование, являющееся результатом взаимодействия социальных сил, включая и прямое соперничество, основанное на грубой силе, и отношения в частной жизни, и культурные процессы. Доминирование фиксируется в религиозных догмах, ритуалах и практиках, в содержании СМИ, в структурах наемного труда, в устройстве жилища, социальной политике и т. д. Гегемония образуется на доминировании, основанном на разных сочетаниях экономических, культурных, идеологических преимуществ и насилия. Гегемония не означает тотального культурного доминирования, осуществляемого посредством устранения альтернатив, она является доминированием, достигаемым в результате баланса сил, складывающегося в процессе игры. Другие модели маскулинности оказываются подчиненными, но не исключено и оспаривание доминирования. Важной чертой гегемонной маскулинности, по Р. Коннеллу, является то, что ее культурные идеалы не должны близко соответствовать действительным личностям большинства мужчин. Гегемония формируется путем создания моделей маскулинности, представляемых или фантастическими героями литературы и кино, или реальными футболистами, боксерами и т. п., участвующими в рекламе. Эти модели иногда приобретают статус недостижимых идеалов. В обществе массовых коммуникаций гегемонная маскулинность носит публичный характер. Но медийные образы не соответствуют реальным характерам мужчин из корпоративной или политической элиты. «Публичный облик гегемонной маскулинности – не тот, который характерен для людей власти, но тот, который поддерживает их власть и который значительное число мужчин хотят поддерживать» [Коннелл, 2015, с. 251–252]. Почему элита заботится о символической репрезентации гегемонной маскулинности? Отчасти, из удовольствия от фантазирования или перенесения агрессии на выдуманных персонажей. Отсюда популярность фильмов, наполненных насилием. Но главная причина состоит в том, что

большинство мужчин имеют те или иные выгоды от субординации женщин. Гегемонная маскулинность – это культурно-символическое выражение доминирования мужчин, она тесно связана с гетеросексуальностью и институтом семьи. В ней заключена эффективная коллективная стратегия в отношении женщин. При этом в данной модели могут ужиться установки на семейную жизнь и насилие, женоненавистничество и стремление нравиться женщинам. Гегемонная маскулинность конструируется относительно женщин и относительно подчиненных типов маскулинности [Коннелл, 2015, с. 253]. Достижение гегемонии состоит в том, чтобы помешать (например, путем идеологической войны) иным формам маскулинности приобрести культурную легитимацию и признание в качестве возможной альтернативы. Все иные модели маскулинности вытесняются в сферу приватного, бессознательного или маргинального.

Иные интенции символической политики раскрывает С.П. Поцелуев. Он представил три модели символической политики как инсценирования: театральную, драматологическую, перфомансную [Поцелуев, 2012, с. 18–23]. Инсценирование, означающее выведение кого-либо или чего-либо на сцену перед публикой, выступает в качестве одной из функций современных дискурсивных практик, связанных с конструированием реальности на электронной «сцене» современных СМИ. Модели инсценирования позволяют выдать видимость, сконструированное за реальное. Публично предъявляются демонстративные действия, которые выполняют символическую функцию – напугать (показать угрозы) или утешить (развлечь, соблазнить) зрителя, попутно вселив в него веру в правильность действий власти, которая обеспечит безопасность и стабильный социально-политический порядок. «Политический театр» состоит в том, чтобы с помощью тех или иных образов вызвать у публики контролируемые, заранее рассчитанные эмоциональные, мыслительные и поведенческие реакции.

Власть всегда опирается на возможность применения негативных санкций, то есть насилия. Однако система властных коммуникаций вынуждена задавать символические границы применения физического насилия, подвергать сомнению оправданность его использования в реализации политических решений, напоминать участникам политических коммуникаций о рисках физического принуждения. Необходимость систематической рефлексии по поводу применения или неприменения средств насилия приводит власть к балансированию между де-

монстрацией силы и избеганием ее применения. Базовой проблемой властных коммуникаций является противоречие между необходимостью напоминания об угрозе и невозможностью постоянно и напрямую угрожать. Отсюда поиск выхода из ситуации через «намеки» на угрозы с помощью символических структур (грозная музыка, напряженный видеоряд и т.п.) без точного определения мер, которые будут предприняты. «Контроль над использованием физического насилия требует символизации возможностей и условий его применения на примере политических событий прошлого, настоящего и будущего» [Завершинский, 2015, с. 96]. Но подобный контроль над коммуникациями амбивалентен и может стать стимулом к легитимации и использованию физического насилия. К.Ф. Завершинский пишет об антропологических основаниях мифической символизации в политике. «Потенциал действенности мифологизированных символических фигур «героического» в политике, так или иначе, связан с событиями «жертвенности» и практиками легитимации или делегитимации физического насилия» [Завершинский, 2015, с. 97]. Особенно актуальной такая символизация становится в периоды реконструкции политической памяти. Отсюда интерес постсоветских политиков к социальному конструированию «героических символов» в контексте политических коммуникаций.

Элементами символической политики, осуществляемой в нынешней России, являются миф и дискурс о «настоящем мужчине». Миф олицетворяют герои всех существующих в России силовых структур. Для символической политики важны и акторы, и объект их действия – население. Исполнители воли правящего слоя и являются героями массовой культуры. Однако акторы, принимающие решения, в массовой культуре напрямую не демонстрируются, присутствие «отца нации» или «отцов города» лишь подразумевается. Управляемость обществом и государством зависит от систем дифференциации, классификации, структурирования. Половая идентификация – один из таких способов управления. Мужественность может выступать критерием разделения, основанием распределения обязанностей и соответствующих моделей поведения.

Существует инвариантный для любой культуры набор архетипических ролей для мужчин: солдат, первопроходец, эксперт, кормилец и повелитель [Ушакин, 2007, с. 198]. Но роли первопроходца и повелителя утратили свое значение в современном мире, а экспертами и кормильцами могут

быть и женщины. Так архетип солдата становится основой конструирования мифа о «настоящем мужчине». Настоящий мужчина – это солдат, воинствующий патриот – вот образ героя, доминирующего в официальном дискурсе, государственной пропаганде, политической рекламе, телесериалах. В чем привлекательность и причины востребованности этого образа в современных условиях? Несмотря на принципиальные различия между первобытными обществами и современными, все культуры представляют инвариантный образ настоящей маскулинности. Будучи выражен в произведениях искусства, правовых, моральных и иных нормах, во множестве стереотипов мысли, чувств, поведения, этот образ обладает огромной силой, вынуждающей каждого индивида мужского пола осуществлять экзистенциальный выбор идентичности и следовать предписываемым этим образом правилам поведения. Этот образ бинарен, он всегда соотносится с образом подлинной женственности как своим антиподом. Приведем несколько наиболее устойчивых черт маскулинности.

1. Культуры вырабатывают разнообразные способы символического маскирования глубокого сходства установок в отношении полов. Акцентируется то, что сущностным качеством мужской идентичности является противоположность женственности. Несоответствие данному качеству становится психологически невыносимым, порождающим заниженную самооценку вплоть до самоотрицания.

2. Любая культура конструирует мужественность, изображая роль мужчины в драматических обстоятельствах. Через всю историю проходит представление о «настоящей мужественности», которая является не естественным, а искусственным состоянием, за которое мальчикам необходимо бороться, проходя разного рода испытания. Недаром у многих народов существовали обряды инициации, которые в той или иной форме дошли до настоящего времени. Духовной основой таких обрядов является вечное представление о том, что «мужественность проблематична» [Гилмор, 2001, с. 881].

Чтобы приобрести имидж «мужественного» мужчины, все мужчины обязаны и готовы рисковать своей жизнью и здоровьем, показывая «презрение к смерти» во время испытаний. Отказ от рискованных испытаний, малодушие или даже попытки предпринять меры предосторожности влекут за собой осмеяние, издевательства, обвинения в дегенеративности или инфантильности, и в конечном итоге понижение социального

статуса. «Идея маскулинности включает в себя представления об агрессивности, выносливости, дерзком смелом действии перед лицом опасности... императив никогда не отступать перед угрозой» [Гилмор, 2001, с. 883]. Доказательства маскулинности, обязательно связанные с насилием – и на поле боя (охоты), и на брачном ложе – должны быть предъявлены публично и признаны группой. Все ритуалы инициации отсылают к идеализированному образу настоящего мужчины – архетипу «свирепого воина». Этот же архетип воина актуализируется и западными цивилизациями в современных условиях. Перед юношами ставятся задачи, требующие жестокости, например, при вовлечении в военную карьеру. Большинство культур в той или иной степени проникнуты духом милитаризма. Полученная награда – звание «настоящего мужчины», дает чувство и статус превосходства, то есть власть над женщинами и мужчинами, не прошедшими испытания.

Демонстрация мужской самости, в том числе через испытание удачи в играх, склонности к риску, конкуренции с другими мужчинами, – это и черта «настоящего мужчины», и способ отбора «лучших» из них – вождей (элиты). Мужественность – драгоценный и неуловимый статус, не приобретаемый биологической принадлежностью к мужскому полу. Это имидж, вдохновляющий мальчиков и мужчин на испытания, его проверка проблематична, основывается на «негибких кодах решительного действия в различных сферах и ролях мужской жизни – мужа, отца, любовника, добытчика, воина» [Гилмор, 2001, с. 888]. Всегда есть и те, кто провалили испытания («мужчины упадка», «не-мужчины»). Но есть и судьи – те, кто успешно прошел испытания в прошлом – «отцы» (вожди, лидеры, политики). Отсюда культивирование памяти о войне, функция которого – обращение к героям-вождям прошлого, легитимирующим нынешнюю власть.

Что побуждает культуры к производству символической модели «настоящего мужчины»? Это исторический способ управления общностью в целях ее выживания, при котором происходит дифференциация разных категорий людей. Устанавливается иерархия полов, параллельно через обряды инициации происходит выделение доминирующих мужчин и подчиненных. Однако данная цель и такое управление в современных условиях становится проблематичным, поскольку выявляются его теневые стороны – дискриминация женщин и подчиненных мужчин, использование власти исключительно в интересах

элиты. Таким образом, и современная символическая политика в целом, и ее элемент – миф о настоящем мужчине – амбивалентны. Консервируя архетипические черты «настоящего мужчины», символическая политика выносит за скобки реальность, тенденции модернизации и демократизации в способах управления и социальных отношениях. Вместо признания возможности разных моделей поведения мужчин, требуемых современной действительностью, экономикой, информационными технологиями и т. д., телевидение навязывает одну – квазитрадиционную модель поведения «настоящего мужчины». Это не случайно, поскольку символическая политика по сути своей направлена на нормализацию одних моделей мужественности и маргинализацию других.

Модель «настоящего мужчины», насаждаемая массовой культурой и пропагандой, имеет две стороны: парадную, предназначенную для осуществления политической социализации и идентификации юношей с данной ролью, и скрытую, существенную. Для первой стороны модели главная характеристика мужчины – не быть женщиной; это «радикальная оппозиционность женственности» (С. Ушакин). «Настоящность» мужчины связана с противопоставлением женщине и всему женскому, то есть с бегством в воображаемую, но отсутствующую, или ослабленную в реальности маскулинность. Содержание модели и роли «настоящего мужчины» заключается в том, что, по сути, это солдат («идеальный солдат»), которого мобилизовали, это послушный объект управления, готовый пожертвовать жизнью во имя провозглашенных идеалов или властных лиц. К архетипу солдата официальный дискурс добавляет «новое» содержание – «идеологию патриотизма». Архетип актуализируется и переформируется. В результате в общественном сознании возникает гибрид: «настоящий мужчина» – это консервативно настроенный, ориентированный на традиции, воинственный патриот, то есть солдат. Модель насаждается в целях мобилизации массового индивида в необходимых элите направлениях действий, в целях сохранения существующего распределения власти и собственности.

На наш взгляд, для исследования проблемы определения характера модели мужественности, доминирующей в публичном пространстве сегодняшней России, и сопоставления ее с образами мужественности, адекватными реальности, интересен теоретический синтез театральной модели символической политики С.П. Поцелуева и концепции видимости муже-

ственности С.А. Ушакина. Последний выделяет такие подходы к мужественности, как плюралистический, или относительный, и показательный [Ушакин, 2007]. В символической политике используется преимущественно «показательная» мужественность. Концепция «видимости мужественности» С. Ушакина описывает два принципиальных аспекта мужской идентичности: 1) мужественность как инсценированное явление, предполагающее определенного зрителя; 2) идея «видимости» акцентирует иллюзорный, фантазматический, символический характер мужественности [Ушакин, 2007, с. 213]. Исчезающее в реальности акцентируется в массовой культуре.

В конструировании мужской идентичности в рамках символической политики в России существуют определенные этапы. Наблюдение за динамикой моделей мужественности в постсоветской России показывает, что по сравнению с периодом 1990-х годов в 2000-е годы произошло исчезновение культа героев войны, утрата актуальности концепции жертвенности во имя социальных идеалов, на первое место вышла концепция мужчины профессионала, знатока [Ушакин, 2007, с. 227]. Она была реализована в образах успешного бизнесмена, программиста, криминального авторитета, романтизированного опера, обладающего атлетическим сложением, образованностью, сексуальной привлекательностью, а также вещественными атрибутами успеха.

В 2010-е насаждается иная модель маскулинности: возвращается дискурс Великой Державы и имперского национализма, массовая культура вновь обращается к архетипу солдата и архаичным стандартам мужского поведения. Речь идет не о требуемых временем качествах или меняющейся сущности мужчин, а о внешних атрибутах, форме «настоящего мужчины». На первом месте оказывается символическая природа мужчины. Формальные элементы используются для обозначения, то есть материализации отсутствия элементов содержательных [Ушакин, 2007, с. 216]. Видимость «настоящего мужчины» поддерживает и риторика. Воспроизводится мужественность, олицетворяющая агрессию, стихийность, природную необузданность. По сравнению с предшествующим периодом произошла регрессия модели мужественности к господству грубой природной силы. В 2010-е годы был отчасти возрожден, отчасти сконструирован стандарт «армейской мужественности». В данное время модель военно-патриотической мужественности не просто доминирует в массовой культуре и официальном дискурсе,

но и доведена до абсурдно гипертрофированных форм. Но является ли она моделью гегемонной маскулинности?

Каков характер гегемонной маскулинности в России, насколько она представлена в массовой культуре? Гегемония – идеологический конструкт, задающий нормативные модели настоящей мужественности, диктующий стратегии и субъективные ощущения успеха некоторых групп мужчин, которые занимают властные позиции и которые способны их поддерживать [Темкина] Формирование новой гегемонной маскулинности на каждом историческом этапе предполагает установление новой иерархии и формирование новых типов успешной и несостоявшейся мужественности. К последней в настоящее время относятся безработные, малозарабатывающие, неудачники, несправедливо обиженные, алкоголики, гомосексуалисты, мужчины-мигранты, мужчины не титульных национальностей, пожилые, больные, наркозависимые. Все это нижние сегменты символической гендерной иерархии, относящиеся к подчиненной модели маскулинности. Выявление характеристик гегемонной маскулинности 2010-х годов не просто. Допустим, мы доминирующую в массовой культуре модель военно-патриотической маскулинности будем считать гегемонной. Кому она адресована? Исполнителям, рядовым гражданам призывного возраста, то есть лицам, подлежащим мобилизации. Очевидно, существуют и иные группы мужчин, которые не являются адресатами данной модели. Вряд ли ее требованиям собираются следовать мужчины, занимающие самые высшие позиции во власти, они лишь используют ее для поддержания своего символического статуса «самых настоящих мужчин» и управления подчиненными группами. Мы возвращаемся к вопросу о функции данной модели в символической коммуникации власти и общества.

В современной художественной литературе ярко фиксируются модели маскулинности. Модель маскулинности высших слоев общества в ее истинном свете показана в романе Александра Терехова «Немцы». Главный герой олицетворяет маскулинность успешную, эффективную, рациональную. Он все может, он ироничен и обаятелен. Но по мере развития сюжета оказывается, что его власть не является культурным образцом, она обеспечена физической силой, насилием. При этом герой – чиновник московской префектуры, он сидит на «распиле» городского бюджета, откатах, соответствующих отношениях. Получается, что основой гегемонной маскулинности в постсоветской России является социальный статус государственного (муници-

пального) служащего, это статус господина, обладающего множеством привилегий и презирающего быдло. Разворачивание сюжета показывает, что это положение неустойчиво. Главная цель героя – удержаться в системе, не выпасть из нее. Его поведение мотивировано страхом возможной утраты привилегий и неизбежным падением вниз. Маскулинность, претендующая на гегемонию, подчиняет не женщину, женщины не воспринимаются как конкуренты в этой среде, она выстраивается за счет порабощения других мужчин и диктует закон для массы. Это именно те, кто посылает рядовых на войны и в горячие точки, манипулируя их сознанием, в том числе символическими средствами – с помощью образа настоящего мужчины как патриота-солдата. Гегемонная маскулинность («позиция волка») уязвима, она осуществляется не самим индивидом, а «системой» с жесткими правилами. Система исключает тех, кто не готов подчиняться законам выживания сильнейшего. Модели «подчиненной» маскулинности представлены в романе Андрея Дмитриева «Крестьянин и тинейджер». Крестьянин зависит от главы поселковой администрации, он, по сути, раб, поскольку расплачивается с главой администрации, осуществляя незаконную вырубку леса. При этом попадает еще и в зависимость от начальника милиции и платит ему «барщину». Тинейджер же, при всей критичности по отношению к крестьянину, материально зависит от него. Оба они находятся в подчинении у местной власти.

Итак, гегемония находится не в руках отдельных лиц или групп мужчин, ею обладает «система», которая представляет собой иерархию насильственной бюрократической власти над всеми остальными слоями населения. Это обезличенная власть силовых структур и персонифицированная власть начальства. Мужчины из высших слоев и из низкоресурсных слоев чувствуют себя подчиненными «господам», обладающим властью, которая утверждается с помощью физического и символического насилия. Благополучие – удел «волков», господ, избранных, тех мужчин, которые готовы осуществлять насилие. Однако господа легко превращаются в рабов. В этом заключается не парадное, а теневое, истинное содержание гегемонной маскулинности в сегодняшней России. Неономенклатурная система власти поддерживает идею патриархатной гегемонной маскулинности [Темкина]. Но последняя не имеет под собой устойчивой основы в виде частной собственности и личных прав, ее носители уничтожают других и себя, воспроизводя «систему».

По нашему мнению, миф о настоящем мужчине и воплощающие его образы, как элементы символической политики и властных коммуникаций, амбивалентны. С одной стороны, в образе «настоящего мужчины» демонстрируется мужское обаяние и привлекательность для женщин, с другой – делается намек на возможность насилия со стороны «живого орудия власти» в случае его мобилизации. Образ «настоящего мужчины» в контексте всего арсенала средств символической политики в зависимости от политической конъюнктуры выполняет функции легитимации или делегитимации применения властью физического и иного насилия. Этому же служат военные парады.

Символическая политика, инсценируя миф о настоящем мужчине, консервирует гендерную асимметрию, дискриминацию женщин, воспроизводит официальный властный дискурс, легитимирует существующий политический порядок, навязывает позитивную интерпретацию существующей в реальности монологичной коммуникации власти с обществом, утверждает явное и скрытое доминирование гегемонной маскулинности. Образ настоящего мужчины выполняет роль соблазняющего образца для подражания, и одновременно с этим представляет собой нормативное предписание к поведению и жизни человека, к репрезентации им своей половой идентичности. Подобная «перформация» маскулинности (термин Дж. Батлер), подчеркивающая различия между мужчиной и женщиной, направлена на сохранение существующего гендерного порядка.

Модель гегемонной маскулинности легитимирует власть мужчин из элиты, напрямую не выражая их реальные качества. Она символически воплощает доминирование мужчин, обладающих определенными преимуществами перед другими мужчинами. Гегемония конкретной модели маскулинности достигается посредством полного или частичного устранения (оттеснения) конкурирующих моделей маскулинности символическими средствами, главное из которых – идеология. Однако важную роль в установлении иерархии моделей маскулинности, а, следовательно, и структуры власти, играет и массовая культура.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Батлер Дж. 2002. Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблюна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 168 с.

Гилмор Д. 2001. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования / под ред. С.И. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ. Ч. 2: хрестоматия. С. 880–904.

Завершинский К.Ф. 2015. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: Теоретические экспликации // Символическая политика: сб. науч. тр. / гл. ред. О.Ю. Малинова. М. Вып. 3: Полит. функции мифов. С. 92–107.

Коннелл Р. 2015. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / авторизов. пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. пер. И. Тартаковская; подгот. рус. версии примеч. и библиогр. О. Ечевской. М.: Новое лит. обозрение. 432 с.

Малинова О.Ю. 2015. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Полит. исслед. № 4. С. 12–21.

Поцелуев С.П. 2012. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сб. науч. тр. / гл. ред. О.Ю. Малинова. М. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17–53.

Русакова О.Ф. 2010. Концепт «мягкой силы» (Soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 10. С. 173–192.

Темкина А. Настоящий мужчина [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2013/06/12/temkina/> (дата обращения: 07.06.2019).

Ушакин С. 2007. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ; М.: Вариант. 320 с.

Эдельман М. 2014. Символическое использование политики // Символическая политика: сб. науч. тр. / гл. ред. О.Ю. Малинова. М. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. С. 189–201.

References

Butler J. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii* [The psychic life of power: theories in subjection], Kharkov, KhTsGI, St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 168 p. (in Russ.).

Gilmore D. *Zagadka muzhestvennosti* [Mystery of masculinity. Introduction to gender studie], S.I. Zherebkin (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya*, Kharkov, KhTsGI, 2001, pt. 2, pp. 880–904. (in Russ.).

Zavershinskiy K.F. *Politicheskiy mif v simvolicheskikh praktikakh vlastnykh kommunikatsiy: Teoreticheskie eksplikatsii* [Political myth in symbolic practices of power communications], O. Yu. Malinova (resp.ed.) *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr.*, Moscow, 2015, iss. 3, pp. 92–107 (in Russ.).

Connell R.W. *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and power], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 432 p. (in Russ.).

Malinova O. Yu. *Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki: analiz teoreticheskikh razvilo*k [Myth as a category of symbolic politics], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2015, no. 4, pp. 18. (in Russ.).

Potseluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii kontsepta [“Symbolic politics”: on the history of the concept], O. Yu. Malinova (resp.ed.) *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr.*, Moscow, 2012, iss. 1, pp. 17–53. (in Russ.).

Rusakova O.F. *Kontsept «myagkoy sily» (Soft power) v sovremennoy politicheskoy filosofii* [The concept of “soft power” (Soft power) in modern political philosophy], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, iss. 10, pp. 173–192. (in Russ.).

Temkina A. *Nastoyashchiy muzhchina* [Real man], available at: <https://polit.ru/article/2013/06/12/temkina/> (accessed June 07, 2019). (in Russ.).

Ushakin S. *Pole pola* [Floor field], Vilnius, EGU, Moscow, Variant, 2007, 320 p. (in Russ.).

Edelman M. *Simvolicheskoe ispol'zovanie politiki* [Symbolic use of policy], O. Yu. Malinova (resp.ed.) *Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr.*, Moscow, 2014, iss. 2, pp. 189–201. (in Russ.).

Irina B. Fan,

Doctor of Political Sciences, Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg,

E-mail: Irina-fan@yandex.ru
ORCID: 0000–0003–1816–9245

Soft Representation of Hard Power: Real Man in Russian Symbolic Politics

Abstract

The article is devoted to the problem of identifying the function of the Real Man myth in Russian politics. The methodology used by the author involved several approaches, i.e. the theory of symbolic politics, an approach considering symbolic politics as a discursive practice of soft power, the theory of gender identity by J. Butler, the method of gender studies by R. Connell, as well as an interpretation of symbolic politics as a 'dramatic' element of power communications. The article reveals various aspects and effects of the symbolic politics embodied in the official discourse, state propaganda and mass culture. The features of the invariant model of masculinity are also presented. An attention is drawn to the fact that this model, being mostly based on the stereotypes of public consciousness, does not correspond to the trends of political and social modernization. The stages of transformation of the Real Man model in the post-Soviet symbolic politics framework are elucidated, as well as contradictions of the hegemonic masculinity model are revealed. The author suggests the myth of the Present within the framework of the Russian government symbolic politics is designed to reproduce the official power discourse and to legitimize the existing political regime. Besides that, it also performs the function of imposing a positive interpretation of one-way character of communication between the power and the society, the approval of the hegemonic masculinity monopoly, preservation of the existing gender order and discrimination against women.

Keywords:

masculinity, symbolic politics, soft power, discourse of power, gender, gender order.